

ПРОЛОГ

Нолан Торн всегда знал: в будущем его ожидает величие.

В конце концов, он не был простым человеком. Его предком был Звериный король — тиран, от которого Нолану передалась способность превращаться в любое животное на свете. До недавнего времени он считал, что подобными силами обладали только они с братом. А значит, он мог стать кем угодно — стоило лишь захотеть.

Это пугающая перспектива, учитывая, что его предок пользовался своими силами, чтобы поработать анимоксов. Но несмотря на сомнительную родословную, сам Нолан думал, что в будущем на него будут равняться и уважать. Как героя, как лидера — и, если ему повезёт и подвернётся возможность, как легенду.

Но никто не предупреждал, что быть героем далеко не так хорошо и приятно. Что придётся рисковать жизнью, отвечать за бесчисленные жизни других людей — и, самое ужасное, держать всё это в секрете.

И вот, до его четырнадцатого дня рождения оставалась всего неделя, а он сидел в душном фургоне без кондиционера и без возможности открыть залитые дождём окна, потому что не работал стеклоподъёмник, и мечтал вернуться в прошлое, когда судьба всего мира анимоксов не давила на плечи. Тогда он не понимал, как хороша жизнь: он мог спокойно гулять с друзьями, а волновался только о домашнем задании и собственном внешнем виде. Но больше всего хотелось просто дышать полной грудью и не думать о том, что его сейчас вырвет.

— Ты когда вообще мылся? — не выдержав, рывкнул он на сидящего рядом мужчину. Когда-то Вадим Сергеев был обычным блондином, который не выделялся из толпы, даже несмотря на глубоко посаженные глаза и бычью шею. Но потом его трижды едва не убили — к сожалению, Нолан тут был ни при чём, — и сейчас европейский Хранитель был похож на ходячую смерть. И пах соответствующе.

Вадим промолчал. Даже не оторвал глаз от планшета. Правда, фингалы у него были огромные; если бы он не держал планшет в руках, Нолан бы решил, что он спит или снова потерял сознание. Что тоже неплохо — Нолан предпочёл бы слушать его храп, чем разговаривать с ним.

Они торчали вместе уже две недели, причём ни разу не упустили возможности друг друга оскорбить.

Не самое интересное развлечение, но лучше уж так, чем терпеть скуку бесконечных путешествий. А учитывая, что сейчас они ехали по самой длинной грунтовой дороге на свете напрямик в тропики, жители которых желали им смерти, Нолан развлекал себя всем, чем мог. Но время шло, а Вадим молчал.

Нолан сощурился. Ладно. Раз он так хочет, Нолан ему подыграет.

— Чего ты не подождал Саймона в аэропорту? — буднично поинтересовался он, словно его брат-близнец был их любимой темой для разговора. — Хотя понимаю. Если бы он дважды за неделю бросил меня умирать, я бы тоже его сторонился.

Тишина. Вадим продолжил пялиться в экран, и Нолан с трудом сдержал недовольство. До того как они сели в машину, Вадим вёл себя привычно невыносимо. Что изменилось? Почему он не вёлся на его слова? Вряд ли какой-то сериал заинтересовал его настолько, что он внезапно научился игнорировать Нолана.

Решив рискнуть, он бросил взгляд вверх, на паука, висящего над головой Вадима. Это был самый обычный домашний паучок, который не напугал бы никого, кроме арахнофобов, но в этом и был смысл. Нолан знал про паука, но ни разу случайно его не заметил — всегда выискивал намеренно. Вадим, конечно, был более бдительным, но пока паук держался вне поля зрения, можно было ни о чём не волноваться. По крайней мере, сверх всего остального.

К сожалению, сейчас паук не смотрел на Нолана. Тот не видел его восьми глаз, но крохотное тельце

было повернуто к Вадиму, и он тоже безотрывно смотрел в планшет. И вот теперь, несмотря на длительную поездку, трясущийся фургон и исходящую от Вадима вонь, Нолан стало по-настоящему плохо.

Сдерживаясь, чтобы не заткнуть нос, Нолан наклонился к Вадиму.

— Что у тебя там?

Тот вновь промолчал, но, к удивлению Нолана, слегка повернул к нему экран.

— Взвод моих самых талантливых солдат.

Нолан нахмурился. Он не хотел проявлять интерес, но машинально наклонился вперёд — всего на пару сантиметров, но, судя по приподнявшемуся в ухмылке уголку разбитой губы, Вадим всё прекрасно заметил.

— Что они делают? Они уже в Амазонке? — спросил Нолан, но сердце забилось чаще. Он ожидал увидеть лесную зелень, а вместо этого на видео оказался расплывчатый интерьер здания. Неужели Вадим послал солдат за Саймоном? Брат, конечно, мог постоять за себя, но Нолан видел численность войск, размещённых в аэропорту, — южноамериканское отделение Верховного Совета не пожалело средств, чтобы найти и поймать его. А Саймон путешествовал не один.

подавив страх, Нолан всмотрелся в прямую трансляцию, пытаясь понять, что на ней происходит. На экране был виден только деревянный пол, слегка расплывающийся из-за трясущихся рук оператора, но в его цвете и узорах было что-то пугающе знакомое. Где он...

Дыхание перехватило. Отбросив напускное равнодушие, Нолан выхватил планшет из рук Вадима. Тот

даже не сопротивлялся, будто только этого и ждал, и Нолан стиснул его так крепко, что не удивился бы, если бы экран треснул.

Нет, не может быть. Просто за день пути он так устал, что у него разыгралось воображение, или исходящая от Вадима вонь вызвала галлюцинации. Но потом на экране появилась кучка перьев, валяющаяся у основания большого дерева, растущего посреди залитого солнцем зала, и Нолан понял, что не ошибся.

Это была Небесная башня. Пентхаус в Нью-Йорке, где жила его семья — и куда сумели пробраться солдаты Вадима.

— Что это значит? — резко спросил Нолан, не сводя с планшета взгляда. — Что они там забыли?

— Выполняют обещание, которое я дал твоему брату, — просто ответил Вадим.

— Какое обещание? — В Нью-Йорке до сих пор оставались мама Нолана и его беременная тётя. Что с ними случилось? Ничего, наверняка ничего. Никто не мог оказаться сильнее дяди Малкольма, Альфы Царства Зверей, — он бы их защитил. Вадим мог послать целую армию; дядю Малкольма они бы не победили.

— Я же пообещал: если он будет мешать, его семья за это поплатится, — с раздражающим спокойствием ответил Вадим. — Думаешь, я забыл?

Разумеется, нет. Прошло уже две недели — две недели, как солдаты Верховного Совета похитили Нолана буквально в шаге от дома, схватив посреди улицы, как в каком-то кино. Две недели, как он очнулся в недрах Цитадели, связанный по рукам и но-

гам. Две недели, как мир перевернулся с ног на голову, и теперь Нолану оставалось лишь беспомощно наблюдать, как подручные Вадима разносят единственное убежище, которое у него оставалось.

— Они и моя семья тоже, — выплюнул Нолан. Его руки тряслись от ярости, но Вадим лишь ухмыльнулся.

— Знаю.

Нолан раскрыл рот — то ли хотел нарычать на него, то ли наорать, то ли заставить отозвать солдат, то ли всё сразу вместе. Но не успел определиться с выбором, как заметил то, что мигом вышибло из лёгких весь воздух, лишив его речи.

Кровь.

Поначалу он увидел лишь пятно, размазанное среди перьев. Но хотя звука не было, оператор развернул камеру, и Нолана едва не стошнило.

Вся кухня была залита алым. Кровь покрывала белоснежные шкафчики, лужами расплывалась на полу у перевёрнутого стола — и стоило Нолану застыть от ужаса, как красные капли упали на линзу камеры, практически перекрывая обзор. Но среди ручейков он заметил перекрикивающихся солдат в бордовой форме, идущих в глубь коридора.

— На подготовку казни понадобилось время, — до безумия спокойно продолжил Вадим, а сердце Нолана заколотилось так, будто было готово взорваться. — Хотя, честно сказать, я ожидал большего сопротивления. Думал, что домой к двум могущественным лидерам будет не так-то просто попасть. Но, видимо, они слишком долго полагались на двух юных Наследников.

Слова застряли в горле. Казнь. Его семья. Его мама. А он торчал на другом конце света и ничего не мог сделать. Разве что...

В мгновение ока выпустив когти, он схватил Вадима за горло, впиваясь бритвенно-острыми кончиками в тонкую кожу небритой шеи. Выступила кровь: крохотные капли, вот-вот рискующие испачкать ворот.

— Отзови их, — прорычал Нолан. — Сейчас же. Прикажи отступить.

Фургон снизил скорость. Водитель крикнул что-то на неизвестном Нолану языке, но тот не шевельнулся. В кого бы водитель ни превращался, он не представлял для него угрозы. Если бы Нолан сильно захотел, его никто бы не смог остановить — а сейчас он думал только о том, каково будет стоять над телом Вадима и понимать, что наконец победил.

Но тот, пусть и оказался на волоске от смерти, не спешил звать на помощь. Наоборот — резко бросив какой-то приказ, он поднял взгляд на Нолана, и его ухмылка исказилась, утратив всякую человечность.

— Прости, — прохрипел он, — но я человек слова.

— Я тоже. — Нолан впился в его шею сильнее, и Вадим булькающе втянул в себя воздух. — И я клянусь, если ты сейчас же не прикажешь им отступить — тебе не жить.

Он не шутил. Он был абсолютно серьёзен и лишь невероятным усилием сдерживался, чтобы не разорвать Вадима на месте. Но того это не пугало. Он

просто смотрел на него, а по его шее скользили кровавые капли.

— Давай, — прошептал он с трудом. — Попробуй. Тогда ты точно не найдёшь оставшихся Наследников. И не спасёшь их, как спас остальных.

Нолан промолчал, стиснув зубы. Вадим не должен был узнать о его настоящих планах до самого конца, когда все Наследники окажутся в безопасности. Но сейчас Нолана волновало не это, а солдаты, ворвавшиеся в его дом.

— Не пытайся отнекиваться, — сказал Вадим, хотя Нолан молчал. — Вы с братом заодно, я же знаю. Думаешь, ты такой умный, тайком помог своим сородичам сбежать? Но я знаю, что ты затеял. Я всё знаю, и в этот раз мои люди справятся без меня. Они сами найдут и вырежут всех Наследников до последнего, и вы с братом никогда их не найдёте. Их кровь окрасит алым всю реку, и...

Нолан крепче сжал руку, и Вадим поперхнулся, хрипя, но отбиваться не стал. Видимо, знал, что не победит, или просто слишком устал.

— Нет, — сквозь зубы процедил Нолан. — Ничего ты не знаешь. А если бы знал...

На экране планшета, лежащего между ними, что-то мелькнуло, и Нолан перевёл на него взгляд. Всё изображение перекрывала серая шкура, измазанная в крови. Камера двигалась вместе с ней, словно животное её перехватило, но десять мучительных секунд спустя оно отстранилось, и при виде перепачканной алым морды Нолан судорожно вздохнул.

Это был волк.

Дядя Малкольм был жив. Кухня была залита кровью — но не его. А раз был жив дядя Малкольм, то у мамы тоже был шанс.

— Ты его убьёшь.

Тонкий голосок прозвучал прямо над ухом Нолана, он отшатнулся, на секунду решив, будто водитель умудрился перелезть в салон, не останавливая фургон. Но рядом никого не было, и когда он перевёл взгляд обратно на Вадима, то заметил, что у него начали синеть губы.

— Он нам нужен, — продолжил голосок, и в этот раз Нолан взглянул на потолок. Паук пропал. — Обещаю, он заплатит за свои злодеяния. Но на кону стоит слишком много жизней.

— А как же моя семья? — спросил Нолан, с ужасом заметив, как дрожит голос. Они не могли умереть. Он столько ради них сделал, стольким пожертвовал, лишь бы они не пострадали. Это была не их война, и они не должны были стать её жертвами. Именно такую сделку заключил Нолан — и плевать, что там натворил его брат.

— Он нам нужен, — настойчиво повторил паук. — Если не сможем найти Наследников, они умрут.

Нолан понимал, что он прав. Но заплывшие глаза Вадима закрывались, а кровь лилась с шеи ручьями. От смерти его отделял всего шаг. Нолану не нужно было даже стараться.

— Нолан. — Паук прополз по хрящу его уха, щекоча кожу тонкими лапками. — Не надо. Ещё не время.

У Нолана задрожали руки, и влажный горячий воздух, наполнявший фургон, вдруг испарился, не да-